

Письма к А. Оболенской

прекрасном прошлом! Мои дочери были в восторге и были на всех их концертах... Они шлют вам тысячу приветов, а я нежно обнимаю, дорогая Сандра, ваша неизменно любящая

М

Видоре
12 ноября 1927

Моя дорогая Сандра, наконец-то вы соизволили мне написать, спустя Бог знает сколько месяцев! Ваше милое письмо доставило мне такую радость, и я хочу быстро поблагодарить вас от всего сердца. Для меня это была, право, очень большая радость, ведь я чувствовала себя совершенно вами забытой. Но я понимаю, что вам трудно найти время среди всего прочего, что вам приходится делать и присматривать, и особенно со всеми заботами из-за неприятностей, которые происходят вокруг. По крайней мере, я далека от всего этого, и ни во что не вмешиваюсь, и ничего не хочу знать, несмотря на то что все это меня очень терзает. Мой преклонный возраст дает себя знать, все меня утомляет, особенно писать письма, и я мучаюсь болями в спине и в боку и вижу очень мало людей и никогда помногу сразу. После этого я чувствую себя совершенно разбитой и никудашной. Моя дорогая Тюра каждый день приезжает и проводит со мной несколько часов, что для меня большое утешение. Вот уже два месяца я не выхожу из моей комнаты. Когда день солнечный, то моя комнатка наполняется светом, но к сожалению, наступают холода, и по ночам заморозки и ветер врывается в комнату, если окна открыты.

Но я все равно делаю прогулки в автомобиле и, когда можно, завтракаю в саду. Каждый день я вижу милую Тюру и Вальдемара, это большая радость. Но я уже не могу похвастаться здоровьем, я ослабела и совсем себя не узнаю. Это, конечно, из-за нервов. Мой дорогой племянник Георг Греческий уже покинул нас, это очень жаль. Бедный так переживает смерть своей любимой мамы и для меня это тоже еще одно ужасное горе. Я так нежно любила ее! Она была такой ангел: в последние годы жизни ей выпали такие испытания, и с каким христианским смирением она их переносила. Два дня я не могла продолжать это дурацкое письмо, но так как я знаю, что моя дорогая Ольга написала вам, надеюсь, что вы меня простите. Я столько о вас вспоминаю и надеюсь, что вы лучше себя чувствуете. От всего сердца обнимаю, моя дорогая Сандра, ваша неизменно любящая

М

Письма в. кн. Ольги Александровны

4 ноября 1920
Hvidöre

Милая Апрак, собираюсь уже шесть месяцев тебе написать с тех пор, что волею неволею мы приехали в Данию. Конечно, надо быть очень благодарными, что так благополучно все было. Ведь многие из беженцев потеряли своих детей от скарлатины, дифтерита и прочего. Такой ужас!

Бедный Манука* умер как раз в день нашего приезда в Новороссийск – я читала потом в газетах – и не верила своим глазам. У тебя было много личного горя, и поверь, милая Апрак, я много о тебе думала – но как-то не писалось! Теперь тут немного попривыкла к жизни, но сначала казалось так дико и нестерпимо тоскливо. Никто тут не понимает нас, русских, и хотя почти все добры, но нельзя говорить по душе ни с кем из иностранцев, ты, наверно, это испытала и поэтому поймешь.

Ужасно было приятно, когда Ксения сюда приехала летом. Наши дети прелестны (I don't mind saying it)**. Тихон очень умный и понятливый и всегда спрашивает не пустые вопросы, а видно желание знать настоящую суть вещей – например, «из чего делается масло» или «из чего делается котлетка» и так далее. Он много уже знает из жизни всевозможных зверей. Может часами сидеть над книгой с картинками и ... довольно! А то я никогда не кончу! Гурий – страшно мил, с большими сияющими глазами – всегда доволен и весел, не плачет, когда больно себе делает, и вообще совсем не нервный – как Тихон. А все-таки я должна сказать, что мы правильно поступили, уехав заблаговременно из Крыма. Он родился бы в море, между Константинополем и Мальтой... Знаешь, всегда надо прислушиваться [к] внутреннему голосу – в особенности в трудные и страшные времена. Мы это делали все время (к счастью, наши «голоса» всегда то же говорили), и все время всегда было верно. На Кубани так идеально жили, что сказать нельзя. В Ростове (то есть в армянском монастыре около Нахичевани)

* Эммануил Николаевич Щербатов.

** И я ничуть не стесняюсь говорить это (англ.).

прожили весь октябрь до 22 декабря – там было «rather exciting»* временами, но мои нервы окрепли до неузнаваемости, и все было ничем. После Ростова мы по пути отступления жили 2 недели в чудной другой кубанской станице – где с нами были невероятно милы. Дети и мы были здоровы, несмотря на условия жизни. То в холодной даче (под Ростовым). То в грязном вагоне с сыпны-ми больными, клопами, вшами, то в станице опять. Ну, Бог очень милостив был к нам! Мне ужасно понравился Белград. Красивая страна и сердечное отношение к нам. Очень хотелось там остаться, как-то похоже на Россию. Болгария тоже похожа на Россию, но очень грязно, разбито и бедно. Продала несколько своих акварелей здесь и заработала себе на шелковое платье, шляпу и туфли... Ветер шумит невероятно (у Мама́ в комнате окна на море и всегда ветер). Боюсь, что из-за этого скоро переедем в Amalienborg, да ветер). Жаль, так как дети, несмотря на погоду, гуляют дважды в день и выглядят чудно – там, наверное, поблекнут! Помнишь «Лок», и выглядит чудно – там, наверное, поблекнут! Помнишь «Лок», и выглядит чудно – там, наверное, поблекнут! Помнишь «Лок», и выглядит чудно – там, наверное, поблекнут! Помнишь «Лок», и выглядит чудно – там, наверное, поблекнут!

Тихон огромный и толстый, и очень хорош.
Николай Александрович¹ целует твою руку. Я тебя целую!
Будь здорова, милая Апрак. Мама́ тебе пишет. Она, слава Богу, здорова и бодр духом.

Любящая тебя

Ольга

23 November 1920

- Рада сказать, что Мама́ совсем опять хорошо. У нее было то же, что у prince Finikin² с сердцем. Она очень сильно страдала около шести часов подряд. Конечно, слабость была. Теперь мы укладываемся, чтобы перебраться в город. Погода теплая. Дети, слава Богу, здоровы. Мама́ ждет от тебя письмо. Напиши ей, она будет рада. Она знает, что за болезнь её.

Целую тебя, милая Апрак,

Ольга

* «довольно-таки волнующе» (англ.).

Amalienborg

9 March 1922

Милая Апрак,

Мама́ страшно благодарит за письмо с дядей Waldemar и очень тронута, что ты надумала о шоколаде Marquise. Она была ужасно больна. Инфлюэнца сама по себе была не сильна, но слабость была и есть невероятная. Мама́ собиралась умереть и была в очень грустном настроении. Теперь приехал Малама. Он внимательно ее выслушал и нашел сердце и легкие в порядке. Удивительно крепкое сердце у нее. Перенесло так много, а в прошлом году эти припадки, и теперь опять болезнь. Врачи здешние очень невнимательные и всегда как будто подсмеиваются над больной. Я ими очень недовольна. Betsy так довольна своим госпиталем. Так должно быть хорошо и удовлетворяюще работать, как будто в уголке России. Тут все снаружи – по-старому: музыка играет на плацу в 12 часов, публика собирается. Но если взглядеться, это не веселая публика, а все безработные – рабочие, руки в карманах, мрачно смотрят. И все так – наружно ничего как будто бы, а внутри гнило, как и везде теперь. Надеюсь, для тебя, что Адель выздоровела. Много ли времени для твоих вышивок? У меня мало времени для рисования – и я очень много раз в день бегаю по лестнице между Мама́ и нашими комнатами. Утром прогуливаю свою семью. Мама́ просит объяснение: что означает Paradis* и вообще вся история с Казнаковым³ – совершенно непонятно, ибо мы ничего не знали и не знаем, и Мама́ говорит, что пусть ты напишешь подробно обо всем. Здесь очень довольны помолвкой кронпринца⁴ с дочерью Елены Владимировны. Жених уже возвращается сегодня. Мало жениховались, по-моему. Не утруждай себя ответить мне – а лучше напиши Мама́ письмо – и расскажи все об истории с Казнаковым: она очень интересуется. The wedding** в Англии был блестящий, и мы теперь с Мама́ смотрим журналы. А группы свадебные Никиты и Мари неудачны, но все-таки интересно было видеть, и благодарим добрую Betsy: это она подумала – никто другой не подумал (кроме тебя), ни Ксения, ни молодые. Целую тебя, милая Апрак. Когда вспоминаю тебя, почему-то всегда вижу у нас в Ай-Тодоре над погребом сидящей в кресле – после кофе – когда Тихон наш был крошечный. Мои сыновья очень прелестные и хорошие. Всего светлого и лучшего желаю.

Любящая тебя

Ольга

* «Парадиз», рай (фр.), скорее всего, название парижского кабаре.

** Свадьба (англ.).